

Из пуши – в пушу

Беловежская пуша, как и ее испокон веков живший здесь властелин — зубр, как и «Песнь о зубре» Миколы Гусовского, стала уже наиболее узнаваемой визитной карточкой Беларуси в мире. Такого разнообразия растений и животных искать да искать, Здесь, в дремучих пушанских реликтовых лесах, растет 26 видов деревьев. Некоторым из них, в первую очередь дубам, по 500 — 700 лет. Приезжай сюда, созерцай все окрест в тишине, которая так высоко ценится в современном шумном мире. Утоляй свою ностальгию по безвозвратно утерянному спокойствию, наслаждайся первозданной красотой самого старого леса в Европе! Чего же более? Однако оказывается, туристы не очень спешат наслаждаться. Почему? Причин здесь, по моему мнению, несколько.

Причина первая

Она заключается в том, что мы забываем о Беловежской пуше как о едином природном и историческом целом. Да, почти две трети уникального лесного пространства после Второй мировой войны осталось в Беларуси. И вымерших было в 1919 году зубров сюда снова завезли — сегодня их свыше 350. Но все «брендовое» — королевская, а затем царская резиденция, дуб Ягайло (вернее, то, что от него осталось) и памятник зубру — оказались на территории Польши. Поехавшему туда туристу кажется, что основное он уже увидел: нечего, мол, направляться кружным путем, через Брест или Гродно, в белорусскую часть пуши... Значит, нашим туристическим организациям надо устанавливать тесное сотрудничество с польскими, создавать единые туристические маршруты с переходом границы непосредственно в пуше. Пока, насколько мне известно, для подавляющего большинства западноевропейских туристов путь в реликтовую пушу идет только через польские города Гайнувка и Беловеж и оттуда начинается обратный.

Причина вторая

Зарубежный турист должен усвоить мысль: ехать в Беларусь — так ехать! Не на день или два, а на неделю-две. Чтобы и насмотреться

природных чудес, и отдохнуть в звонкой тишине, и порыбачить, и поохотиться в выделенных угодьях. При этом из одной уникальной пуши — в другую! Поэтому маршрут нельзя обрывать в Каменюках или Бресте, он должен идти дальше, вглубь Беларуси. Ведь уже само понятие «пуша», да еще первозданная, дремучая, для западного туриста — уже нечто экзотическое. В Европе пуши есть только в Беларуси, Польше и Литве. Севернее Беловежской расположены: в Брестской области — Ружанская и Шерешевская пуши, в Гродненской — Лиличанская, в Минской

— Налибокская, в Витебской — Старая, Темная и Голубичская пуши. Если же ехать с запада, прежде всего через Литву или по Августовскому каналу, можно учесть также Августовскую, Графскую, Гродненскую, Котрянскую и Свислочскую пуши. Не исключаются как продолжение Березинский заповедник, Нарочь, таинственная Голубичская пуша на Витебшине, Браславские озера.

Но, как мне кажется, наиболее рационально, по крайней мере, поначалу белорусский маршрут «Из пуши — в пушу» (или белорусский отрезок совместного с поляками маршрута) начать в Беловежской и закончить в Налибокской пуше. А между ними были бы еще Ружанская пуша, руины замка Сапегов в Ружанах, пружанский «палацык», богатые на памятники архитектуры Слоним и Дятлово, Липичанская пуша, места, связанные с жизнью и творчеством Адама Мицкевича, замки в Новдгруцке и Любче (а при выборе пути через Столбцы — и в Мире). Заканчивается же путь в Налибокской пуше, где можно предусмотреть и более продолжительный отдых в лесной тиши, скажем, на берегах чистого озера Кромань, у восточной стены большущего леса.

Маршрут, предлагаемый здесь, отличается еще тем, что ведет он преимущественно не по городам, а по местечкам, характерным своей планировкой (улицы устремляются к рыночной площади), многоконфессиональностью (соседство католических, православных, мусульманских и иудейских храмов), развитостью ремесел, продукцию которых можно там купить. В таких прежних местечках, а

теперь городских поселках либо больших селах, как Пружаны, Ружаны, Слоним, Дятлово, Новоельня, Деревная, Ивенец, Раков, сохранились явные следы западноевропейских влияний. Через них, по водоразделам, по окраинам пуш, раньше вели дороги с севера на юг — из Литвы и Лифляндии на Волынь, во Львов и Киев.

Особо надо остановиться на Липичанской и Налибокской пуцах, чей туристический потенциал пока практически не популяризируется. Так, Липичанская пуца даже не включена в основной текст 18-томной «Беларускай Энцыклапедыі», а только в дополнения к ней. А между тем это приинтереснейший ландшафтный заказник, расположенный западнее Дятлово.

Что же касается Налибокской пуцы, то раньше она была гораздо больше, но и теперь считается крупнейшим лесным массивом на территории Беларуси, а возможно, и во всей Европе. Во времена Великого Княжества Литовского пуца называлась Литовской. Именно здесь проходили охоты великих князей, в том числе и Витовта, а позже и польских королей на исчезнувших со временем бизонов и зубров (в наше время зубров завезли сюда снова). Именно здесь, в селении Мдаво над рекой Уссой, родился знаменитый поэт — латинист, автор поэмы «Песнь о зубре» Микола Гусовский.

Несколько слов надо сказать об Ивенце — столице Налибокской пуцы — Это почти классическое западноевропейское местечко, возникшее на перекрестке многочисленных дорог, с двумя костелами, построенными в стилях рококо и неоготики, и с двумя кладбищенскими часовнями, при возведении которых соблюдены народные традиции. Из Ивенца стоит отправиться в недалекое Держиново, связанное с детством и юношеством его уроженца, «железного Феликса» — председателя ВЧК Держинского. Затем — в Налибоки, славившиеся в XVIII веке стеклянной мануфактурой, принадлежавшей Радзивиллам (короли требовали подавать им и гостям еду и питье только в посуде «налибокской гуты»), а также в Рудню Клецище, знаменитую выплавкой железа из болотной руды.

От Ивенца недалеко и до Ракова — древнего торгового и ремесленного местечка, известного своим городищем и лечебным

родником. На рубеже XIX и XX столетий в Ракове жили известные польские ученые — слависты братья Здзеховские, к которым сюда, в «северные Афины», приезжала Элиза Ожешко, им отправлял письма Лев Толстой.

Причина третья

Она видится мне в том, что в Беловежскую пуцу отправляются преимущественно туристы, интересуются природой, экологией. Им и невдомек, что они одновременно совершают путешествие по местам, имеющим богатое историческое прошлое. Пуца в этом году отметила шестисотлетие. Но шестисотлетие чего? Только половина более или менее уверенно отвечает, что в 1409 году пуца приобрела статус заповедника. Но никто не знал, кто этот статус придал ей и в связи с чем.

Дело же в том, что король Ягайло, человек, несомненно, умный, понимал: плохо накормленный воин — не боец. Как свидетельствует польский летописец Ян Длугош, наступление на крестоносцев, как и предшествовавшая тому охота, были запланированы в том же году во время встречи польского короля с великим князем литовским Витовтом недалеко от пуцы, в Берестье (Бресте). Во время воистину королевской охоты (Витовт в ней не участвовал) заготавливалось зубриное, лосиное, турье, медвежье и оленье мясо, которое под наблюдением самого Ягайло солилось, коптилось и укладывалось в бочки. Бочки конопатились и складировались на льду (вот почему нужно было дожидаться холодов), а с наступлением весны сплавлялись по Наревке, Нарви, Бугу и Висле до Плоцка, выбранного для базирования запасов (всего гуда попало 200 бочек). Одновременно с охотой воины тренировались в меткости стрельбы, ловили как будущую транспортную силу тарпанов — диких лесных лошадей. В Беловежской пуце Ягайло осознал, каким огромным военным и экономическим ресурсом являются ее богатства. А поскольку в результате такой охоты они значительно оскудели (особенно сократилось поголовье лосей), пришлось ввести статус заповедника, запретить охотиться здесь без высочайшего разрешения. Фактически ничейное имущество превратилось в королевское, государственное, что сыграло положительную роль.

Вообще, первой зафиксированной в летописных источниках значится пуцанская

охота киевского князя Владимира Святославича (983 г.). Но человек поселился здесь гораздо раньше. На территории Беловежской пущи насчитывается около 50 памятников археологии, кстати, один из них раскопали копытами сами зубры, Сегодня Беловежская пуца свою славу уже завоевала: в 1992 году по решению ЮНЕСКО она включена в Список всемирного наследия, а через пять лет награждена дипломом Совета Европы за сохранение биологического разнообразия, имеет свой флаг и герб. Слава второй, Налибокской, еще впереди.

А.Мальдис

Источник: Сов.Белоруссия.-2009.-5 дек.-С.10.